

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

КАМЕНЕВА, Льва Борисовича - от 9 января 1935 года.

На поставленные мне следствием вопросы, отвечаю:

я признаю, что в момент составления и подачи заявления ХУ с "езду ни я, ни мои тогдашние единомышленники не стояли на точке зрения партии и не признали безусловной правильности партийной линии и партийного руководства в борьбе против нашей группы. Наоборот. Признав в своем заявлении свое "подчинение" партии, мы надеялись на самом деле, что наша "линия", в конце концов, восторжествует и что мы еще вернемся к руководству партией. Так как мы скрывали от партии это наше убеждение в правильности своей линии и эти свои надежды на возврат к руководству, то это поведение я признаю двурушническим и глубоко враждебным интересам партии. Отсюда вытекало-сохранение старых связей, надежды на то, что борьба среди партийного руководства облегчит возвращение нашей группы к руководству, наконец, стремление устанавливать связи с любой антипартийной группировкой, поскольку ее борьба ослабляла единство и авторитет партийного руководства.

По указанным 3-м линиям я могу представить следствию, опираясь, к сожалению, исключительно на память, которая у меня в вопросах организационных слаба, следующие факты:

I/ лица, подписавшие заявление "23", на ХУ с "езде и после с "езда продолжали рассматривать себя, как особую группу с общей судьбой и взаимной ответственностью, стремились поддержать связь друг с другом, стремились выработать общие точки зрения на текущие политические вопросы. Особенно сильны и живы были эти стремления непосредственно после ХУ с "езда, во время пребывания моего и ЭИ-НОВЬЕВА в Калуге, и непосредственно после возвращения нашего из Калуги. В Калуге у нас перебивали почти все, подписавшие заявление "23", и многие из тех, кто отказался подписать это заявление, так

называемые, "леваки". Происходили горячие споры о том, правильно или нет сделали мы, подав заявление, правилен ли был блок с ТРОЦКИМ и затем разрыв с ним к концу с"езда; стремились собирать сведения о настроениях и мнениях партийного руководства и на основании этого определить какие перспективы нас ожидают. Считалось само собой разумеющимся, что руководящая роль во всей этой работе принадлежит той группе, которая руководила "ленинградской оппозицией" от XIV до XV с"езда, т.е. ЗИНОВЬЕВУ, мне, ЕВДОКИМОВУ, БАКАЕВУ и друг. Работа этого рода продолжалась и после переезда нашего из Калуги в Москву в середине 1928 года. Для поддержания связей, взаимной информации и выработки общей точки зрения на текущие вопросы были устроены "семинарии", один - политический, которым должен был руководить ЗИНОВЬЕВ, другой - экономический, которым руководил я. Они, правда, скоро распались, а мой собрался не более 2-3-х раз, но связь продолжала поддерживаться путем узких и более широких собраний. Я, правда, не могу сейчас вспомнить какого-либо собрания, на котором бы обсуждались общие политические вопросы или общая политическая линия, но зато всякое событие, касавшееся того или другого члена нашей группы - назначение, переезд в другой город, предполагавшееся выступление - подвергалось обсуждению. Помню, напр., ряд совещаний, связанных с исключением ЗАЛУЦКОГО, с пред"явленным ЦКК обвинением ЗИНОВЬЕВУ в переговорах с каким-то ЧЕРНЫМ, с предполагавшимся выступлением нашим на XVI с"езде. Из обсуждения более общих вопросов помню, что ряд совещаний был вызван тактикой правых/БУХАРИН и др./ и нашими переговорами с ними. Вся эта деятельность была интенсивной в 1928-1929 г.г. С 1930 г., как мне кажется, она начала заметно утихать и замирать. Причины этого моего представления укажу ниже.

Пока укажу только, что к подобного рода деятельности относятся и те два факта, на которые указало мне следствие: совещание группы ленинградцев со мной во время моего приезда в Ленинград в

1928 г., и обсуждение с РУМЯНЦЕВЫМ его заявления о приеме в партию, которое тоже относится к 1928 г., но, по моему, было позже. Что касается совещания в Ленинграде, то оно произошло не по моей инициативе, а по настоянию ленинградцев. Насколько я помню, они пришли ко мне, чтобы заявить, что продолжают быть несогласны с тактикой "23" и что "23" изменили платформу, что мы их "подняли" на борьбу, а потом "бросили" и т.д. Я спорил с ними, пытался убедить их в необходимости подчиниться партии, указывал, что они фактически переходят в лагерь ТРОЦКОГО, но они остались неудовлетворенными моими аргументами и ушли, мне кажется, недовольными. Мне это совещание было весьма неприятно и я пытался сколько возможно его сократить. Продолжалось оно не более часу. Было человек 5-6. Неприятно оно мне было потому, что я был уже тогда настроен весьма "право" и споры с молодежью из "леваков" казались мне бесплодными и неинтересными. Так же по существу безразлично отнесся я к тому, что через несколько недель/или пару месяцев-не помню/ ко мне в Москве зашел РУМЯНЦЕВ и сказал, что приехал в Москву, чтобы подать заявление в ЦКК о возвращении в партию. Я, конечно, одобрил его решение. Вносил ли я при этом какие-либо поправки в текст его заявления - не помню.

2/ После идейного и организационного разгрома на XV съезде наша группа - и я в частности, - далеко не сразу пришли к выводу, что наша политическая роль в партии раз навсегда окончена. Наоборот. Мы долго еще жили иллюзией, что мы еще партии понадобится и именно на руководящих постах - и что партия нас "призовет". В спорах с ТРОЦКИМ в конце XV съезда для нас выяснилось, что в основе его "непримиримой" позиции лежит именно убеждение, что ему в данной партии больше делать нечего, что его роль в ней окончена. Мы же были убеждены, что нам предстоит еще играть руководящую политическую роль в партии, которая только, что нас побила, но не закрыла перед нами окончательно свои двери.

Эта надежда опиралась на две основные мысли. Первое - на мысль о неизбежных трудностях, которые стояли тогда перед партией.

Второе - на доносившиеся до нас слухи/правда, тогда еще

очень смутные / о трениях внутри руководства. Что касается трудностей, то на наш тогдашний взгляд разгром оппозиции отнюдь еще не разрешал тех объективных затруднений, перед которыми стояла партия и в городе и в деревне. Я тогда еще внимательно следил за ходом хлебозаготовок и делал вывод, что партия стоит перед накопляющимися затруднениями - особенно в области деревни, затруднениями, которые потребуют каких то важных, решающих мероприятий. Это было и общее убеждение нашей группы, и мы ждали, что эти затруднения, эта необходимость предпринять какие-то новые, очень существенные меры побудит партию и руководство "призвать" нас к какой-то руководящей работе. Эта же мысль поддерживалась в нас, как я уже упомянул, и слухами о трениях в ЦК. Слухи были смутные, но мы их усиленно ловили и комбинировали. Среди нас, например, ходил слух /насколько он был правилен-я не знаю и сейчас/, что существует какое-то письмо т.СТАЛИНА чуть ли не в ред. "Комсомольской Правды", направленное против СЛЕПКОВА и вообще "бухаринской школки". Это сходилось с общим нашим представлением, в котором уже тогда т.СТАЛИН отделялся и выделялся, как старый большевик-ленинец, никогда не уклонявшийся вправо, от БУХАРИНА и РЫКОВА, шатания и колебания, которых были нам хорошо известны по прошлому.

Итак, ставка на объективные трудности и на разногласия в руководстве, несомненно, лежала в основе той тактики "выжидания", которую усвоила себе наша группа в 1928-29 г.

3/ Отсюда и то отношение к другим антипартийным группам и группировкам, которые характеризуют поведение нашей группы. Следствию известно о переговорах моих и ЗИНОВЬЕВА с "правыми" /с БУХАРИНЫМ и ТОМСКИМ/. Преступная тактика умолчания перед нашей позицией. Существенным же в самих переговорах было то, что мы оценивали все те группы, всех тех лиц и все те настроения, с

которыми входили в соприкосновение, не по существу их политической линии, не с точки зрения их вредности и антипартийности, а исключительно с точки зрения их способности ослабить партийное руководство и тем, казалось нам, облегчить наше возвращение к руководящей роли. Это отношение и есть то, что партия справедливо закрепила названием "безпринципных блокировок". Это безпринципное отношение к любой антипартийной группе с нашей стороны не могло, конечно, оставаться тайной для них и создавало такое положение, при котором всякая поднимавшая голову против партийного руководства группа и группочка могла рассчитывать, если не на наше активное содействие, то хоть на сочувствие или, во всяком случае, молчание. Этим и объясняется, конечно, что, в конце концов, к нам решила обратиться, хотя бы косвенно, со своим документом даже рютинская-явно контр-революционная группа.

Сопоставляя все указанные выше черты деятельности "ленинградской оппозиции" после XV съезда /сохранение связей после роспуска фракционной организации, сепаратное от партии обсуждение вопросов политической жизни, ставка на трудности и разногласия в партийном руководстве, "безпринципное блокирование" с антипартийными группами /- сопоставляя все это с той трудной и ответственной работой, которая вела в это время партия и которая требовала от каждого члена партии железной дисциплины и полной, без всяких задних мыслей, отдачи себя партии - я не могу не оценить всей этой деятельности иначе, как вредной, разлагающей всякого, кто был в нее втянут, контр-революционной.

Я уже сказал, что интенсивный период этой деятельности приходится, по моему мнению, на 1928-29 г.г. и что с 1930 г. она начинает замирать. Я могу, конечно, утверждать - это только на основании того, что я лично видел и знал. Поэтому дальнейшие мои объяснения требуют выяснения моей личной роли и позиции с этого времени. Дело в том, что к 1930 г. /приблизительно, точной даты

по памяти восстановить не могу / процесс моего внутреннего "разоружения", т.е. внутреннего убеждения, что нет ни смысла, ни цели моего участия в какой бы то ни было борьбе против партии и руководства, зашел уже очень далеко. Началось это давно, немедленно после XV съезда. Я всегда и во время самой ожесточенной борьбы стоял, по фракционной терминологии, на самом "правом" крыле ленинградцев. У меня не было их групповой психологии, их личной привязанности к ЗИНОВЬЕВУ, как к обиженному "вождю", которого надо во чтобы то ни стало восстановить в его правах. Разгром на XV съезде был для меня неожиданной катастрофой, ибо я до последнего момента надеялся на какое нибудь "соглашение". Я всеми силами к концу съезда стоял за "подчинение" партии и отстаивал эту формулу не потому, что лично считал ее достаточной, а лишь потому, что никакая другая, более полная, более партийная формула, не могла пройти на разгоряченных собраниях, половина которых вообще ничего не желала слышать о "снятии платформы", а другая /помню- во главе с ЛАШЕВИЧЕМ/ ругала меня за слабость и податливость. После съезда я неоднократно говорил, что "после драки кулаками не машут", что у нас нет другого пути, как систематической работой вновь восстановить к себе доверие партии. Но в ближайшее после съезда время я еще продолжал идти в общих рядах, не имея, прямо скажу, морального мужества порвать со вчерашними единомышленниками, которые продолжали считать меня в числе своих руководителей. Слухи о трудностях, о разногласиях в ЦКК - действовали в том же направлении, удерживая меня от решительного шага. Но все больше накоплялось фактов, которые заставляли меня пересмотреть свои позиции. Фактов этих, которые сильнее всего повлияли на меня, я насчитываю четыре.

1/ Политика индустриализации, против которой я не мог возразить единым словом, 2/ коллективизация, которая сначала поразила меня смелостью и размахом, которая, на первых порах, казалась

связанной с громадными опасностями, но в которой я вскоре же признал единственно-правильный, единственно-возможный выход из тех трудностей, которые сам видел стоящими перед партией; 3/ разгром правых, который демонстрировал яснее всего и раз на всегда, что для борьбы с врагами партии ЦК не нуждается ни в какой мере ни в нашей помощи, ни в нашем содействии; 4/ окончательное укрепление единства партии под руководством тов. СТАЛИНА, который единственный из всех бывших "претендентов" показал себя на деле, на практике и в теории, достойным продолжателем дела ЛЕНИНА. Для меня все яснее становилось то, что я позже сформулировал в напечатанной в "Правде" статье: что страна и партия вступили в новую эпоху, которая отодвинула вдаль, в прошлое все старые "платформы" и оценки, и что партия победоносно проходит эту новую эпоху под ею сознательно выбранным и поддерживаемым руководством.

Сравнительно с этим все то, чем занимались остатки ленинградской оппозиции, их варение в собственном соку, перетряхивание старых обид, пересуживание сплетен, выжидание чего-то такого, что вдруг восстановит ЗИНОВЬЕВА на посту председателя Коминтерна, - все это все больше и больше стало мне казаться вредным, безцельным, бесплодным. Просто переставало меня интересовать. Я еще встречался с ними, особенно на даче, где я жил и в 1931г и в 1932г рядом с ЗИНОВЬЕВЫМ, к которому часто приезжали ЕВДОКИМОВ, БАКАЕВ, КУКЛИН. Но в политические разговоры с ними я не втягивался, при встречах говорил на темы бытовые или о литературе и т.п. Я знал, что ЗИНОВЬЕВ продолжает говорить в этой среде на политические темы, излагает свои соображения и т.п. Но я уже относился к нему с политической точки зрения, как к выдохшемуся политику, не способному вести какую-нибудь определенную линию, подчиняющемуся личным настроениям и впечатлениям минуты.

Мое личное настроение было тяжелое. От бывших единомышленников я явно уходил, терял интерес к ним и связь с ними; двери же партии, в смысле широкого партийного общения, активного участия в партийной жизни, для меня - и законно, конечно, - прикрыты. Я работал в Главконцеском, деятельность которого с ликвидацией ряда концессий, сокращалась. Эта работа не могла занять всего моего времени и внимания. Другой не было. Я, чтобы занять время и

мысль, занялся литературой, а, когда ЦК назначил меня заведующим издательством "Академия", я с радостью и с головой ушел в эту работу. Никаких политических разногласий у меня с партией уже не было, не оставалось и никаких остатков злобы, раздражения или обиды на руководство. Единственно на что я надеялся—это на то, что, когда пройдет некоторый срок, мне будет дана и более ответственная работа. Я уже не возлагал в этом отношении никаких надежд на какие-либо разногласия в ЦК или объективные трудности, а тем меньше, разумеется, на какую-либо деятельность остатков бывшей оппозиции, а исключительно на свою собственную работу и на доверие со стороны ЦК. В этом положении и настроении меня застала история с документом рютинцев. В Минусинске я обдумал урок всего происшедшего. Он был для меня ясен. Виной был я сам, моя пассивность и сохранившиеся, хотя уже политически бессодержательные, связи с бывшей зиновьевской группой. Я написал тогда в ЦК совершенно искренне, что ничто меня не связывает ни с зиновьевцами, ни с ЗИНОВЬЕВЫМ, что во время окончательно перегорели все чувства борьбы или вражды, что я прошу дать мне возможность доказать работой под прямым наблюдением и руководством ЦК искренность моих новых взглядов и настроений. Получив возможность вернуться в Москву, я в нескольких статьях в "Правде" обрисовал, как я представляю себе новый этап в истории партии и страны, который она проходит под руководством тов. СТАЛИНА, и указал, почему все нападки, которым подвергался тов. СТАЛИН со стороны оппозиции, лишь повторяют нападки всех врагов партии на ЛЕНИНА и являются актом контр-революции. Я полагал, что этими статьями и своей речью на ХУП с "езде я теоретически вскрыл и подвел итог своим ошибкам и преступлениям против партии. Практически же я порвал все не только политические, но личные связи с зиновьевцами. С тех пор я не участвовал ни на одном совещании, не принимал участия ни в одной политической беседе, вообще не вел никаких политических бесед ни с одним зиновьевцем, не знал и не интересовался знать, что у них делается. Единственно с кем я встречался—это ЗИНОВЬЕВ. Я уже сообщил следствию какие причины это вызвали, как я собирался прекратить и эти встречи, а также то, что я считаю это — ошибкой и непоследовательностью. Я считаю, что это и поставило меня под

удар, удар непоправимый, и как раз в тот момент, когда в уме и в сердце у меня не осталось ничего, кроме желания прямой и верной службой партии, под руководством тов. СТАЛИНА, смыть с себя старые грехи и ошибки перед партией и порвать окончательно с той группой, союз с которой испакостил последние десять лет моей жизни и теперь окончательно погубил меня. Я должен еще раз заявить, что с момента возвращения в Москву я ни словом ни делом не отклонился от того, что писал из Минусинска в ЦК, что писал в своих статьях в "Правде", что говорил на XVII съезде, потому что все это выражало мое подлинное убеждение, и что я не могу нести ответственности за это время, за то, что делали или думали зиновьевцы.

9/1-35 г.

Показания написаны мною собственноручно - Л. КАМЕНЕВ.

Допросили : НАЧ.ЭКО ГУГБ НКВД СССР -
/МИРОНОВ/

ЗАМ.НАЧ.СПО ГУГБ НКВД СССР -
/ЛОШКОВ/

ПОМ.НАЧ.СПО ГУГБ НКВД СССР - РУТКОВСКИЙ

Верно: В. В. В. В.